

В журналистике и публицистике — как печатной, так и звучащей — наблюдается любопытное явление: индекс цитирования Пушкина, частота ссылок на него, заметно сокращаясь применительно к области внутрикультурной, не менее, если не более заметно возросли в сфере наиболее насущных проблем жизни — социальной, нравственной, политической и пр. Может быть, никто из русских классиков не цитируется и не упоминается так часто, как Пушкин, — порой в ранге безымянной «народной мудрости». Сравнительно недавно в одном из депутатских выступлений прозвучал призыв к Президенту: «придя сегодня вечером домой перечитать «Бориса Годунова». Вообще трагедия эта сейчас на многих устах и во многих головах.

Все это не может быть случайным. Пушкин по-прежнему и еще больше, чем прежде, выступает в своей сверххудожественной роли, в качестве высокого авторитета, судьи, учителя и пророка —

в состоянии нашего общества. Мы все еще никак не можем осознать, что главная причина трагедии, страшной с Россией в XX веке, — не социальная или политическая, а духовная. Трагедия должна была страстись, как должен потерпеть крушение поезд, сошедший с рельсов. Крушению предшествовал не менее двух веков шедший процесс духовного отступничества. Нация и страна, семь веков исповедовавшая православное христианство, веровавшая в то, что только Христос есть «Путь, Истина и Жизнь» (Ио., 14,6), что Царство Божие, Царство Истины, Добра и Красоты есть Царство «не от мира сего» (Ио., 18,36), постепенно привыкла думать, что Христос есть не единственный Путь, не единственная Истина и не единственно благая Жизнь, что можно своими силами повторить созданный когда-то Богом Эдем, построить рай на земле, а значит — без Христа и Его заповедей.

Авраамий Палицын и рус-

знал, что причины всех исторических катастроф — причины духовного характера, и это отразилось в трагедиях «Борис Годунов» и «Пир во время чумы». Величайшей заслугой Пушкина явилось то, что, пройдя и испытав на себе все искусы и соблазны безбожия, став зрелым писателем, он обратил литературу к ее национальным духовным истокам.

Нет необходимости и вредно ридить сегодня Пушкина в клубок (маятник времени уже качнулся в эту сторону), но надо отдавать себе отчет в том, что вся система ценностей Пушкина, его взгляд на мир, его понимание человека («Борис Годунов», «Евгений Онегин», «Маленькие трагедии», «Повести Белкина», «Капитанская дочка» и др.) зиждутся на многовековом фундаменте православной культуры, и именно отсюда — уникальное, ни с чем в мире не сравнимое место Пушкина в национальной культуре, его адекватность русскому духовному строю, или, как сейчас гово-

они туговаты на ухо. Чувство Пушкина приходится им переводить на язык своих ощущений, притупляемых раздражающими драмами кинематографа... Это просто новые люди... Не они в этом виноваты... Между тем необходимо учиться и развиваться духовно ими осознаться недостаточно, хотя в иных областях жизни, особенно в практических, они проявляют большую активность. Эти слова кажутся написанными сегодня, но это — Владислав Ходасевич, и это 1921 год. Сегодня Ходасевич онемел бы. Он увидел бы, как глухота к христианским ценностям и заповедям диктует многим потребность сбросить обывающее бремя этих ценностей. Он стал бы свидетелем массивной атаки на наше традиционное понимание культуры как служения; он увидел бы, как представители новой гуманитарной «элиты», «наши плюралисты» (выражение Солженицына) навязывают обществу пренебрежительное отношение

к великому русскому писателю (иронические кавычки). Он увидел бы, как не только бульварные, но и «солидные» издания упиваются дозволенностью бесстыдства, эксплуатируют низменные инстинкты, вводят в повседневное «культурное» употребление матерный язык и откровенность борделя, как в ранг мэтров возводятся сочинители, сделавшие словесность средством вытеснения своих сексуальных комплексов, одним словом, как в культуре совершается преступление против детей и внуков, против экологии человека.

Все это напоминает ситуацию «Пира во время чумы» (о чем я подробнее пишу в статье, публикуемой в VI номере журнала «Новый мир»). Все это — продолжение духовного отступничества: стремление на «нельзя» сказать «можно», на черное — белое, возвести в норму то, чего у нас в России всегда принято было стыдиться, что считалось и является грехом. И все это, помимо прочего, имеет и ярко антипушкинский характер. Это ясно, если вспомнить слова Пушкина: «Поэзия... не должна унижаться до того, чтобы силою слова потрясать вечные истины на которых основаны счастье и величие человеческое, или превращать свой божественный нектар в любовно-страстный воспалительный состав».

Есть и другие пушкинские слова. «Цель художества есть идеал». Культура в России так всегда и понималась — как устремление к идеалу. Слово «культура» на латыни означает «возделывание». В России это понимается как возделывание человеческой души на пути к Истине и Жизни. Есть другое понятие — цивилизация. Это — возделывание внешних усло-

вий обитания человека, его удобств и утех. Мировая культура в целом переживает кризис своей природы, ей грозит — и с ней происходит — превращение из культуры в цивилизацию, в предмет потребления в добычу толпы. Ответственность за то, чтобы культура не вся превратилась в цивилизацию, не перестала быть собой, а значит чтобы человечество не все превратилось в толпу, ложится на Россию — разваленную обнищавшую, смятенную, развращаемую политиками, чиновниками, торгашами от культуры и закордонными проповедниками по все еще не переставшую быть собой, — ложится потому, что в России еще живо понимание культуры как служения. Понимание это связано с православной верой — не нашей собственной, так верой наших делов и падших, Вере этой тысяча лет и благодаря ей Россия стала великой нацией, а ее культура — до сих пор чудо и загадка для всего мира. Можно смело сказать — да ведь это ясно всем, — что на России сегодня лежит ответственность за судьбы человечества.

На этом фоне слова Гоголя о Пушкине как русском человеке, который явится, быть может, через двести лет, осмысляются не как приятное приращение, а как воззвание к русскому человеку, как требование, как призыв и завет. Пушкин явился в России тогда, когда революция Петра помогшая государству нарастить мускулы, в то же время слезала попытку надломить духовный хребет народа, переделав нацию по «общевопейскому образцу». Пушкин зарубцевал рану, нанесенную «первым большевиком», как называли Петра, помог сохранить культурную преемственность и духовную родословную нации, восстановить единство ее истории — теперь уже тысячелетнее.

Нынешняя эпоха чрезвычайно похожа на петровскую — и даже с превышением. И именно на эту эпоху падает пророчество Гоголя, его призыв к русскому человеку обратиться к тем ценностям, которые в свое время вечный русский культуре Пушкина. Слова Гоголя не только призыв, но и уверенность в возможности духовно выжить и преобразиться; это указание и ободнение постигшее русского человека в такой момент когда это ему более всего необходимо.

Подобные слова есть и у Пушкина:

Но в искушениях долгой кары, Перетерпев судьбы удары, Окрепла Русь. Так тяжкий млат,

Дробя стекло, кует булат.

Как известно, в первоначальной редакции трагедия «Борис Годунов» кончалась так: народ, на глазах которого только что беснуясь убили невинных и беззащитных людей, восстал! Самозванца, послушно крича:

«Да здравствует царь Димитрий Иванович!» Мрачный этот финал замыкал действие в порочный круг: выходило, что русский народ легализирует, что он лишен совести; избрав однажды (в начале трагедии) на престол убийцу и узурпатора, он снова готов сделать то же.

Какие жернова повернулись в мастерской пушкинского гения, мы не знаем, но гений этот сказал поэту, перефразируя его же слова:

«Оставь народу сердце! Что же он будет без него? Толпа!» Пушкин не мог видеть в народе только толпу. Новый финал — «народ безмолвствует» — дает выход из порочного круга, дает надежду, представляет нам, говоря словами Гоголя «русского человека в его развитии», а не в его деградации, как народ, для которого существуют уроки истории, уроки совести.

Если верить Пушкину как пророку — а у нас есть все основания верить ему, он нас еще не обманывал, — то я бы осмелился сказать вот что. В сущности вся наша история начиная с 1917—1918 годов, когда одурманенная толпа кричала «да здравствует» власти безбожников, самозванцев и убийц, и до не наступившего еще дня,

когда мы и наша культура опаматеемся, — весь этот не завершившийся еще виток истории есть не что иное, как промежуток между двумя редакциями финала пушкинской трагедии «Борис Годунов»: между «да здравствует!» и сокрушенным но обнадёживающим безмолвством, в котором звучит голос совести.

Сколько лет прошло у Пушкина между двумя вариантами финала? Мы не знаем этого точно. Сколько еще остается нам мучиться за наше богоотступничество, за предание идеалов Святой Руси, каким еще жерновам повернуться и что еще перемолоть, чтобы мы осознали этот свой грех в полной мере, как осознал его пушкинский Пимен: «Прогневали мы Бога, согрешили...», как осознал его народ в своем безмолвствовании? Кто знает. Но если верить Пушкину как пророку, если верить его вере в Россию, это должно произойти рано или поздно. Тогда исполнится и пророчество Гоголя.

Рос. газ. - 1993 - 5 июня - с. 8
Валентин НЕПОМНЯЩИЙ

В НАДЕЖДЕ СЛАВЫ И ДОБРА...

человека, который отразил и закрепил меру исторического и духовного своеобразия России, особенности наших представлений о человеческом и национальном благе, величии и достоинстве.

Приближающееся — в нынешних обстоятельствах надо бы сказать надвигающееся — двухсотлетие Пушкина ставит наше национальное достоинство перед серьезным испытанием. Испытание это вовсе не в том, хватит ли у нас сил на праздничную пальбу и юбилейные клики. И даже не только в том, что удастся реально сделать, чтобы почтить эту сияющую дату. Настоящее испытание в другом.

Подходит начало XXI века — срок, обозначенный в известных словах Гоголя, сказанных в 1832 году: «Пушкин... это русский человек в его развитии, в каком он явится, быть может, чрез двести лет».

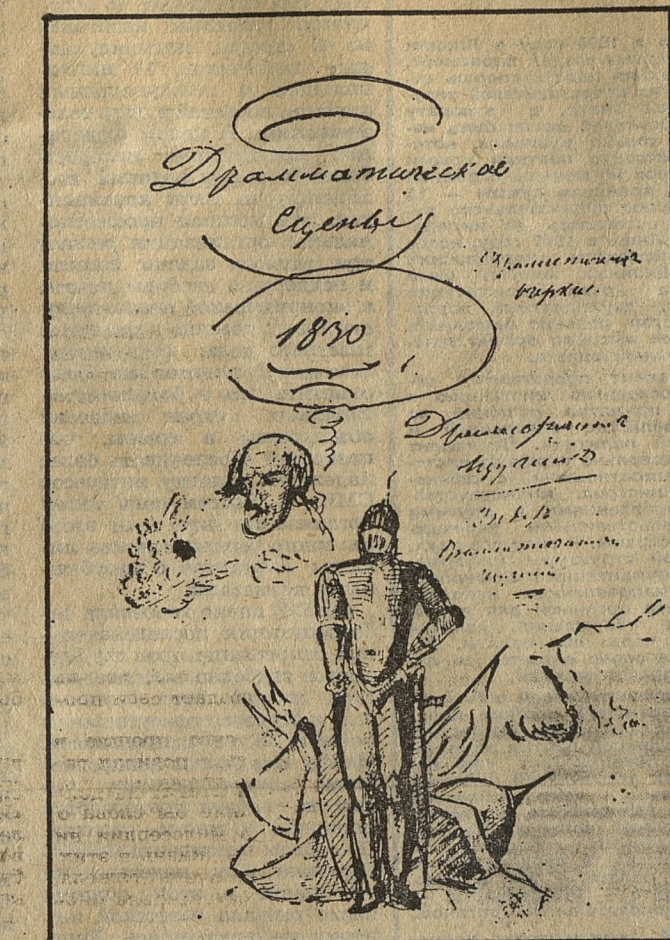
Слова эти цитировались часто, но неосмысленно. Они повторялись как отвлеченный комплимент и воспринимались как некое приятное, хоть и туманное, приращение прогрессистской пифии, что, согласимся, мало идет Гоголю. Так же отвлеченно принимался и срок — двести лет — просто-напросто как нечто большое и крутое, приятное и туманное «когда-нибудь», не налагающее никаких обязательств, не требующее усилий и жертв. Оказалось, однако, что срок вовсе не так велик — и вот уже близок к исполнению. В каком же состоянии застаем мы русского человека?

Прежде всего это жертва и одновременно продукт эпохи, по отношению к которой пушкинская трагедия, законченная полтора века назад (7 ноября 1825 года), является своего рода предварительным конспектом. Собылось все — только в невероятно разросшемся, разбухшем виде: от убийства царевича (но уже не одного, а вместе с царем, всей семьей и приближенными) и братоубийственной войны до террора, лаконичный и устрашающий символ которого дан в последней сцене «Бориса Годунова». В двадцатом веке карательная роль расстриги, ставшего бичом Божиим для народа, попустившего незаконную власть, выпала — словно бы для полноты исполнения пророчества — на долю недочувствующего семинариста.

Что же касается духовного состояния общества, то тут следует вспомнить, что из пушкинских цитат чаще других мелькает словосочетание «пир во время чумы». Уже одно это побуждает внимательно взглянуть в пушкинскую трагедию, несущую это название.

Вглядевшись, мы обнаружим, что трагическая ситуация, имеющая место непосредственно на сцене, состоит не в самой чуме, не в эпидемии, не в надвигающейся смерти: ни того, ни другого на сцене нет, никто пока еще не болеет и не умирает, персонаж по имени Джаксон умер до того, как действие началось, «телега, наполненная мертвыми телами», проезжает и исчезает, никого из присутствующих на ней не увозит. Трагедия, происходящая непосредственно на сцене, состоит в поведении действующих лиц, которые совершили совместное и согласное духовное отступничество. «Я заклинаю вас святою кровью Спасителя, распятого за нас», — вызывает к пирующим Священник, но это ни на кого не производит впечатления, хотя действие происходит в христианской стране. Священник напоминает Вальсингаму о матери, умершей всего три недели назад, но масштаб отступничества таков, что и память о матери ставится героем ни во что.

Все это, написанное более полтора веков назад, чрезвычайно верно отражает многое

Обложка к рукописи «Маленьких трагедий». Рисунок А. С. Пушкина.

ские писатели, повествовавшие о том периоде XVII века, который именовался Смутным временем и начался в результате гибели последнего Рюриковича малолетнего царевича Димитрия, говорили о том, что исторические беды Руси есть возмездие за ослабление православной веры и падение нравов, Пушкин прекрасно

рвал, менталитету. Именно благодаря этому возникшая после Пушкина литература есть величайшая литература мира, до сих пор поражающая человечество своей общепризнанной и загадочной «духовностью».

«Уже многие не слышат Пушкина, как мы его слышим потому что от грохота последних шести лет стали

Страницы А. С.

5.06.93